

КТО Я?

О воспоминании Д. Сергеева «Через войну»

Я не специалист в военном искусстве, поэтому премудрости войны в жизни и литературе для меня всегда принадлежат к абсурдной жестокой тайне, которая, я надеюсь, для меня не станет явной. Но есть те, для кого эта тайна раскрылась, нанеся незаживающую рану, которую не залечит ни один врач.

Эта рана не может быть напоминанием, это воспоминание. Она не наносится один раз – каждый день как впервые. Она переживается – её нельзя пережить. В рассказе Дмитрия Сергеева «Через войну» происходит попытка справиться с этим через повествование. То, что предстает перед читателем, это смешение времени и пространства: «там и здесь», «сейчас и тогда». В таком прочтении рана оказывается чрезмерно глубокой: даже сейчас, в относительно мирное время, герою приходится искать способы защиты от сильного потрясения, которое становится всё более актуальным с каждым написанным словом, здесь и сейчас.

Если у героя возникает сомнение или ошеломление, то требуется срочно найти успокоение, что я сегодня не умру, или найти отвлечение в технических приспособлениях и своих навыках. Словно артиллерия – это надежная прививка от смерти, а осознание того, что у героя что-то лучше получается, чем у новобранцев, гарантирует отсрочку от смертного часа. «Но я хоть знал, когда следует сорвать с предохранителя, когда метать. И бросал метко. А солдаты даже и болванок не держали в руках».

Если техника отказывает, то спасает подробное описание боевых действий или военного инвентаря, которое как бы заслоняет невыразимый ужас происходящего. Если опоры во внешнем мире не оказывается, то герой пытается положиться на себя. Но что такое «себя»? Кто я? Вероятно, многие задавались этими вопросами. И ответы приходили не всегда, часто откладывались на неопределенный срок. В рассказе около героя смерть проходит слишком близко, что обостряет чувство собственного существования. Невозможно медленно узнавать свою субъективность, невозможно медленно погружаться вглубь себя. Погрузиться нужно прямо сейчас.

Что человек вспоминает в первую очередь? Вспоминает школьные годы. Думает о ребятах из класса, которые внезапно стали осознаваться

как значимые: «Адресов ребят, которые теперь почти все воевали, я не знал. Тогда, кажется, я и додумался, через кого восстановить переписку».

От мыслей о школьных товарищах герой уходит глубже в прошлое. Ему приходит в голову мысль, что «в школе в эти дни как раз начались выпускные экзамены». Эта простая ассоциация превращается в способ познания новой военной действительности: «И само собой явилось на ум банальное сравнение предстоящего боя с испытаниями – завтра я буду держать свой первый экзамен. Не провалиться бы на нем». В сознании начинает выстраиваться схема будущих событий по аналогии с его проведением. Прошлый опыт становится опорой для понимания настоящего.

Герой погружается в себя глубже, находит опору и тепло в памяти о значимых отношениях с заботящимся человеком. Ещё шаг вглубь – и это тепло распространяется на тех, кто рядом. Затем оно уносит его в те времена, когда кончилась война. Значимый другой в послевоенные годы живет в квартире-«полуподвальчике», что символично: если бы он жил в «подвале», то достучаться до него в сознании было бы гораздо сложнее.

Теплые, основанные на симпатии, прошлые отношения с людьми переносятся на командира. Теперь этот человек оказывается нагруженным фантазиями: герой видит в нем опекающую и, безусловно, заботящуюся фигуру, которая способна понять и открыться навстречу. Вероятно, всё это происходит в голове у рассказчика: война не дает развиваться отношениям с реальным человеком, но фантазия разворачивается мгновенно.

В разгар боя не остается рядом никого. Даже внутри себя. Это подчеркивается употреблением бесчисленного местоимения «я». Если появляются другие, то исключительно персонажи внешнего мира, которых нужно расставлять как объекты, учить законам войны. Состояние одиночества разрастается до безумного страха так, что человек, как пишет рассказчик, «вовсе теряет рассудок, и в панике, ничего не сознавая, лезет под пули на верную гибель».

В итоге больше ничего не остается, кроме как затопить сознание всепоглощающим отрицанием смертоносного реального: «Я уже подумал: не будет никакой артподготовки, штурм отменили – когда ахнули первые взрывы». Или другой эпизод: «Не сказать, чтобы я особенно мучился страхом, но было тревожно... Я и тогда, сразу после боя и позже, удивлялся, сколь лёгким стало для меня “боевое крещение”. Лёгким в том смысле, что я не испытал сильного страха».

Главный герой постоянно колеблется от одного полюса к другому: «страшно до невыразимого ужаса – мне практически не страшно». Эта дихотомия не разрешается, рассказчик не замечает руководящей им оппозиции. Возможно, это то, что не нужно осознавать. Пусть это останет-

ся «черным ящиком», который не нашли при крушении символического авиалайнера. Но для наблюдателя страшно не то, что записано в «черном ящике», а сам вид той катастрофы, которая навсегда, к сожалению, останется в неизменном виде.

ПОЛИНА КОЗЛОВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

МЕТАФОРА И РЕАЛЬНОСТЬ ОСВЕНЦИМА

О рассказе М. Просекина «Горячий пепел»

О военной прозе всегда писать непросто. Великая Отечественная война покалечила судьбы многих людей, и память о ней не только живет, но будет жить спустя века. Рассказ Михаила Просекина «Горячий пепел» – история об узниках концлагеря Освенцим, одного из масштабных лагерей смерти. История искренняя, живая. Несмотря на отвратительные условия, где человек мог бы спасти лишь себя, нашлось место героизму, чистой дружбе главной героини и девушки по имени Белянка. В военной прозе не так часто описывают судьбы женщин, да и судьбы концлагерников описывают крайне редко. Потому что страшно говорить. Человек, возвысившийся над другими и посчитавший, что может вершить судьбы, подобен Богу. Но человек не Бог. Нельзя давать ему абсолютную свободу: «Свобода одного кончается там, где начинается свобода другого».

Я оцениваю произведение по тому, какие чувства оно вызывает. И хочу сказать, что остался осадок. Грусть и огромное желание, чтобы этого никогда не повторилось. Война уничтожает в человеке человека, уничтожает надежду и нравственные ориентиры. После такого вряд ли оправившись. Не оправилась и наша героиня. Она уехала на Дальний Восток, убегая от воспоминаний, от которых убежать невозможно. Горячий пепел – это пепел всех узников концлагеря Освенцим. В той печи сожгли не только Белянку. Печь похоронила души всех невинно погибших. И близких сердцу бывшей узницы.

Рассказ М. Просекина «Горячий пепел» – один из осколков историй о Великой Отечественной войне. Часть истории нашей страны. И именно благодаря таким произведениям – живым, искренним – мы не только узнаём, как все было, но и учимся. Учимся, что нужно оставаться человеком, уметь протянуть руку помощи, учимся уважению к павшим и живым. И самое главное – учимся ценить жизнь и мир, важнейшие на земле.

ДАРЬЯ ЖЕЛВИС, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

ЗВЕЗДЫ СОБАЧЬИХ ГЛАЗ

О рассказе Ю. Баранова «Сильва»

Еще до прочтения рассказа, когда я увидела название, мне вспомнилось произведение другого автора, вероятно, прямо противоположного Юрию Баранову – «Ника» Виктора Пелевина, до сих пор заставляющее меня с подозрением относиться к произведениям, в заглавии которых вынесено женское имя. И при первом прочтении рассказа «Сильва» я, найдя параллель, неосознанно ждала чего-то подобного – игрового, неожиданного (в конце «Ники» выясняется, что весь рассказ перед нами была не любимая женщина главного героя, а кошка).

В какой-то мере я получила то, чего ждала. Только никакой игры уже не было.

Тема отношений человека с животными совсем не нова в русской литературе. Человек и животное во время войны встречаются реже, но, в целом, сюжет известный. Если сказать обычному человеку, что ему дадут прочитать рассказ о летчике и его собаке в самом начале войны, он, вероятно, будет ждать историю о том, как человек и его питомец прошли все тяготы тяжелого времени. Или как, например, собака – конечно же, это будет верная овчарка – спасла хозяина от гибели.

Но Сильва не спасала Дмитрия Яковлевича, летчика, главного героя рассказа, своего хозяина – хотя у меня нет сомнений в том, что она обязательно бы это сделала.

Сильву бросили.

Вообще образы собак в рассказе Юрия Баранова заслуживают особого внимания. Люди, в том числе и Дмитрий Яковлевич, хотя его как главного героя это касается в меньшей степени, обрисованы будто мельком. Запомнилось, что у Дмитрия Яковлевича была особая чайная церемония, похожая на медитацию у восточных народов; что он летчик; что у него беременная жена; что в очереди в сберкассе он встречает «фашиста» с золотым зубом; что у него был друг с собакой Агатой, матерью Сильвы, и этот друг на войне не стал ложиться на землю, побоявшись испортить новую гимнастерку, и потому получил ранение в плечо. Собственно, это все, что можно сказать о людях в рассказе «Сильва».

Зато почему-то отложилось в памяти, что Гриня – сторожевой пес Дмитрия Яковлевича – «внук кенгуру», не породистый пес, но привлекающий внимание всех соседей прыжками около забора и лаем в самой высокой точке. Дмитрий Яковлевич подобрал его маленьким щенком, на-

рушив данное себе обещание никогда не брать собак. Теперь он иногда ворчит на Гриню, но все равно называет его «хорошим псом».

Запомнилась стая бродячих собак под предводительством пса Адмирала, которых Дмитрий Яковлевич кормит каждый раз по дороге в сберкассе. Ходит он туда редко – раз в месяц, но «друзья» всегда встречают его с неизменной радостью, а Адмирал строго следит за порядком в стае.

И, конечно, Сильва. Сильва – дочь собаки друга Дмитрия Яковлевича; овчарка, перенявшая лучшие качества матери. Однако Сильве не смогли найти сразу хозяина, и Дмитрию Яковлевичу она досталась «переростком» – ей было больше трех месяцев, и у нее сложился характер. Дмитрий Яковлевич, уводя собаку к себе, представляет, как они будут гулять по улицам, и красивая овчарка будет верно вышагивать рядом с ним. Но Сильва не покоряется. Вредничает. Книжки ест. Но, в конце концов, отдает человеку свое собачье сердце, готовая идти куда угодно. Происходит так, что человек оставляет собаку, подчиняясь приказу, признавая факт, что с собакой в кабине военного самолета нельзя ни летать, ни стрелять.

На первый взгляд, «Сильва» – рассказ о верной и просто замечательной собаке. Но основная мысль глубже. Она не о том, что собаки замечательные, что животных надо беречь и никогда не предавать. Она о том, что людям, добившимся высот во многих областях науки и техники, стоит поучиться у животных.

Собаки не ограничены нормами, моралью, правилами приличия. Они искренние. Дмитрия Яковлевича соседи воспринимали нелюдимым, необщительным, все разговоры с ним ограничивались приветствиями. И Гриня – пес необычный, потому что «внук кенгуру». Он не только занимает пустоту, образовавшуюся в сердце Дмитрия Яковлевича после потери Сильвы, он напоминает, что самое главное – оставаться собой и быть искренним.

Люди в очереди в сберкассе представляются главному герою разрозненной безликой массой. Каждый человек существует в своем мире, и то, что происходит за его пределами, его не касается. Мысль о людской разрозненности усиливается монологом Дмитрия Яковлевича: «Да пусть нынешние политики рассуждают, как хотят. Мы от одного корня. Росичи жили на реке Россь, от Киевской земли Русь пошла. И не в том дело, кто кого главнее, а в том, что нельзя нас было разделять. Мы же проросли друг в друга». Люди разъединены, корни разорваны. А рядом с людьми стая бродячих собак, которые потому и живы, что вместе, и у которых есть вожак, устанавливающий правила и следящий за их соблюдением: «... как собаки дружно набрасываются на еду. При этом, наблюдающий за

порядком Адмирал не дает им драться и отталкивать слабых». Этих собак предали люди. То же произошло и с людьми, которых разъединили. Но собаки все равно вместе. Люди – нет.

Сильва-«учитель» напоминает, что иногда следует переступить через себя, через страх, и остаться верным, в том числе самому себе. Сильва бросилась бы за хозяином в огонь и воду. Она бежала за его самолетом по взлетной полосе до последнего и, вероятно, умерла от тоски. Именно поэтому неоднозначно на фоне такой преданности воспринимается человек, пожалевший новенькую гимнастерку и поплатившийся за это.

Всю жизнь Дмитрий Яковлевич мучается тем, что оставил Сильву. Но, мне кажется, он усвоил уроки братьев наших меньших. Он помнит верного друга, и неслучайно первые звезды смотрят на него с неба, «как собачьи глаза из далекого прошлого».

СВЕТЛАНА СОЛОВЬЁВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

СБЛИЖЕНИЕ МИРОВ

О рассказе-притче А. Байбородина

«Утром небо плакало, а ночью выпал снег»

Автор определил свое произведение как рассказ-притча. В этом оно оправдывает себя. Рассказ действительно заключает поучение, моральное и религиозное. Примечательным является эпиграф из Евангелия от Матфея. «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь».

Рассказ построен интересно. Представлены два мира глазами разных повествователей. Первый – глазами старика, прожившего долгую и трудную жизнь, второй – глазами старой собаки, оставленной хозяином. При этом обращает внимание очеловечивание собаки. «По городу волочился выживший из ума облезлый пес, которого хозяин взащей выпихнул со двора. Пес ничего не мог понять, а чтобы не рвать душу горькими думами, поплелся в город». Писатель тонко изображает психологию брошенного животного, показывая, что в ней есть человеческое.

Последние дни старика и собаки протекают параллельно. Читатель видит соответствия в образах, поведении и чувствах двух героев. «Пес ковылял следом на своих остаревших лапах... отощавший – кожа да кости, измученный». И описание старика. «По городу шел старик. Шел тихо-тихо, и желтоватое лицо его, усохшее и костистое, светилось покоем. Глаза слезились и водянисто синели, слезились <...> увядшими,

синеющими губами <...> И Бог весть, куда он теперь ковылял на своих истомленных, сношенных ногах <...>» Слова при изображении старика и собаки совпадают, эпитеты имеют сходную семантику. Это создает эффект единого образа старика и собаки – живых существ, оказавшихся в пограничной ситуации.

Если, характеризуя собаку, автор подчеркивает человечность, то при описании человека сближает старика с животным. «Он же порой зло теребил и вздымал по-младенчески пушистые и насквозь проглядные, инистые волосы, обнажая овраги висков, какие бывают у лошадей, когда они падают в изнеможении».

В рассказе открыт исторический пласт, прошлое. Описываются чувства солдат, оказавшихся на войне. И вновь проводятся параллели, теперь уже между миром старика, миром собаки и миром солдат. Писатель использует прием, благодаря которому ощущается единство миров. Автор использует в начале нового фрагмента рассказа однокоренные слова, которые заканчивали предыдущую часть, ведущую повествование о другом мире. Для создания цельной картины, сближения исторически-военного и современного мира писатель использует военные метафоры в главах о мирной жизни. Так, «по улице тупо и медленно, сплошным и грозным потоком, словно в атаку, ползли машины». Читатель понимает, что один из тех солдат – это старик. Военное время – его юность.

Одним из значимых в рассказе является образ девочки. Девочка отдала свой пряник несчастной собаке. Ребенок – то, что создается обществом, детство – метафора потерянного рая, счастливого бытия, жизни, полной сил и надежды. Неслучайно старик вспоминает о своем детстве. Важен контраст двух планов: воспоминания старика и реакции окружающих на него в этот момент.

У женщины, торговавшей на рынке, старик вызывает чувство приближения смерти. «Та испуганно отпрянула от старика и будто даже осенила себя незримым крестом. Кажется, ей почудилось, что на нее дохнула смерть». С этого момента в рассказе начинает проявляться потусторонний мир, в который постепенно переходит старик. Интересен и образ цыганки, продававшей медные нательные крестики с распятым Христом и Царицей Небесной. Прежде всего, тем, что образ цыганки в русском сознании связан с мотивом страсти, инферральности, с адом.

Можно обратить внимание на образ арки. Арка – портал перехода из мира профанного в мир сакральный, вневременной. В некоторых обрядах прохождение через арку означало окончание старой и начало новой жизни. Образ представляет тот мир, в который переходит старик. «Он оглядел арку, похожую на могильный склеп». Причастность старика

к миру неземному представляет реакция молодой пары, увидевшей старика. «Молодые оторопели, словно им явилось бледное, бескровное видение из тоскливого, замогильного мира».

Старик умирает в конце рассказа. Его тело находит дворничиха. Незадолго до смерти человека встречает собака, судьба и образ которой были подобны судьбе и образу старика. Эта встреча была глотком воздуха для умирающего. Собака заставила его вновь улыбнуться и почувствовать тепло мира, который он покидает.

«Еще боясь поверить, боясь спугнуть оживающее видение, старик не открывал глаза, вытягивал наслаждение, потом медленно отпахнул веки и по-детски солнечно улыбнулся – подле него сидел такой же ветхий, как и он, сиротливый пес, только что облизавший ему лицо и руки. Младенчески беззубая и бездумная улыбка тронула синеющие стариковские губы, будто неведомый и случайный среди морока солнечный луч согрел восковое лицо старика; и, как бывало в его деревенском детстве, неспешно и протяжно погладил, почесал за ушами, висящими словно лопухи».

АСЛАН БАБАЕВ, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

НЕДЕТСКАЯ / НЕ ДЕТСКАЯ ВИНА

О рассказе В. Журавлёва

Главный герой рассказа Владимира Журавлева «Недетская вина» – Иван Захарович, по-простому дядя Ваня. Неприметный на вид – щуплый, среднего роста, он на своём веку повидал столько, сколько хватило бы на несколько жизней. Кавалер многих боевых наград, ветеран финской и Великой Отечественной войн, танкист, участник сражения под Курском, он дважды бывал в подбитом танке, дважды был в нём контужен, ходил в рукопашную атаку, где оказался серьёзно ранен.

Существует грань того, что может выдержать человек. После неё трудности больше не закаляют характер, они его ломают. Как ни старайся, а больше не можешь двигаться дальше, создавать новое, думать о чём-то другом. Сломленный человек обречён постоянно переживать одни и те же моменты жизни. Так и Иван Захарович. Война в его памяти продолжается.

Мальчишки не могли не заметить эту особенность дяди Вани. А дети есть дети. В силу своего возраста они не успели развить в себе той степени чуткости, которая требуется человеку для того, чтобы пожалеть слабого, больного, увечного. Вот именно, увечного. Вот и стала детвора потешаться над героем войны. Как же смешно дядь Ваня скачет! «Воюет»

– так они это называли. Дождаться дядю с работы, окружить, наполнить его голову наглыми вопросами – устроиться поудобнее и смотреть представление. А дядя Ваня не с ними, с фашистами «воюет». Остаётся только подначивать, чтобы тот прыгал в канавы, как в окопы, зарывался лицом в грязные лужи и «стрелял» из пулемета.

Весь ужас таких поступков, их уродливая и низкая подлость нагоняют нескоро. Нагоняют, когда на том месте, где мы были, уже другие люди. И эти другие, посмотрев на прошлые свои «свершения», осознав, что никак их уже не исправить, испытывают стыд, который не покидает до глубокой старости, до немощи, а, может, и после.

От того и вина «недетская». Ребёнок, чем он виноват? Теперь недетскую вину берёт на себя уже взрослый. Полновесно и полноправно. Вина не сползает с него вместе с взрослением. Человек не «вырастает» из вины, остаётся с ней на протяжении всей жизни.

Ужасен поступок детей. Но разве могли они знать о чём-то настолько страшном и отвратительном как война? Разве представлял себе кто-то из них войну такой, какой она являлась на самом деле – в ее пекле? Недетская вина – это вина, которая попросту велика для ребёнка. То, что маленький человек совершать не должен был бы, но почему-то совершил.

А если вина, в самом деле, «не детская»? И виноваты вовсе не дети?.. Война. И даже издохнув, она не отпускает человека. Костлявыми клешнями держится за воспоминания, проникает в настоящее, не даёт проклянуться будущему.

Несомненно, в двойном названии рассказа (задумано так или нет) заключается глубокий смысл. Две темы произведения – тема вины и тема войны – переплетаются между собой. Благодаря их соединению и возникает тема памяти.

Память дяди Вани о войне – его пребывание на ней. Память повзрослевших детей о жестоких забавах – в чувстве вины. Тяжким бременем война давит на всех. Им от нее не избавиться. Всё, что остаётся: продолжать с этим жить. Принимать себя такими, как есть, и стараться, стараться, стараться...